

Владимир Галактионович Короленко

Адъютант его превосходительства

(Комментарий к недавнему событию)

Книга: В.Г.Короленко. "Сибирские рассказы и очерки"
Издательство "Художественная литература", Москва, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 25 мая 2002 года

Кому не известно, что Сибирь - страна совершенно особенная. В ней зауряд, ежедневно и ежечасно совершаются самые удивительные вещи, и так как они совершаются именно ежедневно и ежечасно, то теряют даже свою "удивительность". Кого может удивлять то, что вошло в обычный обиход и попадает на глаза на каждом шагу. Таким образом, самые понятия о нормальном и выходящем из ряду вон - об удивительном и никого не удивляющем - получают совершенно своеобразный условный смысл: если чиновник гласно берет взятки, налагает дани на целые волости и округа, изобретает самолично источники обложения "в свою собственную пользу" - это обычно и неудивительно; но если его за это деликатнейшим образом уволят в отставку - это всех поражает изумлением. Если приближенная к какому-нибудь громовержцу особа выпалит без всякой видимой причины в мелкую сошку из револьвера - это тоже "оченно даже просто". Но если за это приближенную особу отдали бы под суд, то... впрочем, этого последнего обстоятельства, кажется, никогда не бывает...

Печально, скажете вы, - но сильно преувеличенно... Да, печально, отвечу я, но чтобы было преувеличенно... едва ли. Судите сами.

В № "Русских ведомостей" от 14 января я прочитал краткое, но выразительное известие, сообщавшее, что на одной из почтовых станций в Сибири адъютант приамурского генерал-губернатора А-ин выстрелом из револьвера убил наповал почтового смотрителя, оставившего после себя жену и детей...

Я имел причины (о которых ниже) обратить на это коротенькое известие особенное внимание и потому тщательно просматривал газеты, ища дальнейших комментариев этого события. Я имел основание догадываться, что полная фамилия, обозначенная буквами А-ин, - есть фамилия Алабина, что и оказалось действительно; я имел основание догадываться, что выстрел последовал без всякой видимой причины, без всякого вызова со стороны несчастной жертвы, - и это тоже оказалось в действительности; наконец, если бы даже в газетах не было сказано, что выстрел попал так метко, я все-таки имел бы основание предсказать это, так как мне известно, что г.Алабин давно уже упражняется в этом искусстве, причем даже палит из одного и того же оружия и в ту же самую цель...

Я расскажу ниже, почему я мог знать все это, а пока позволю себе восстановить событие в том виде, как оно выяснилось впоследствии из дальнейших газетных сообщений:

Господин Алабин ворвался на станцию "с шумом и боем", а смотритель позволил себе выйти к нему и попросить не шуметь. Положим, у смотрителя была к этому побудительная причина - в доме была больная, - но все же это ужасная дерзость, и покойный смотритель, видимо, не имел достаточного понятия "о начальстве" и пределах его власти на глухой станции. Г-н Алабин вскипел, смотритель стал "разговаривать", престиж власти требовал энергичного поступка. И г-н Алабин остался на высоте этого требования. Грянул выстрел...

Вот и все.

Теперь то, что мне известно лично.

В 1881 году мне пришлось проехать по Лене. Дело было вскоре после всем памятного события 1 марта. По приленскому тракту недавно еще проскакал до Якутска и обратно курьер, который вез официальное извещение о кончине государя якутскому губернатору из Иркутска. Курьер этот был адъютантом (по-другим - чиновником особых поручений) при иркутском генерал-губернаторе. Фамилия его - Алабин.

Известие, которое вез курьер, конечно, очень живо интересовало всю Россию, Европу - весь